

Глава 9. По доброй воле

— Гу Шэнь? Ты... что с тобой? — Сюй Мяо заметил, что плечи омеги мелко дрожат.

Неужели плачет? Сюй Мяо вспомнил, как приятели вечно жаловались на своих омег: мол, во время течки те становятся невыносимо ранимыми. Может, и с Гу Шэнем сейчас происходило то же самое?

— Прости меня, Гу Шэнь.

Сюй Мяо растерялся. Он не знал, что делать, и просто, как в детстве, выдавил из себя извинение. Вот только раньше он никогда не просил прощения искренне — обычно ухмылялся, не желая признавать поражение, а в голове уже прокручивал очередную пакость. От этого его нынешние слова прозвучали на редкость неубедительно.

— Отпусти... — прошептал Гу Шэнь.

Бежать было некуда, и ему не оставалось ничего другого, кроме как уткнуться лицом в плечо своего врага, пряча от него собственную слабость. Впрочем, так было всегда. Почему-то именно этот извечный противник раз за разом дарил ему последнее, хрупкое чувство безопасности.

Когда-то давно, в ночи полнолуния, когда Сюй Мяо обращался в зверя, Гу Шэнь говорил больше, чем за весь остальной месяц. А порой они просто молчали. Гу Шэнь сидел на каменных ступенях и смотрел на далекую луну. Тогда он не чувствовал одиночества, ведь за его спиной, в темной глубине пещеры, был заперт Сюй Мяо. Сюй Мяо всегда с любопытством следил за тем, куда устремлен взгляд опекуна, а значит — они точно смотрели на одну и ту же луну.

Сюй Мяо и не подозревал, что Гу Шэнь, сидя к нему спиной, часто тихонько улыбался. Об этой тайне знала разве что сама луна.

— Гу Шэнь... — Сюй Мяо позвал его по имени.

Тот мальчишка давно вырос. Теперь они больше не смотрят на одну луну. Сейчас этот зверь разглядывает его — грязного, жалкого, раздавленного течкой.

— Что с тобой? Где болит? Скажи мне.

— Больно.

Он едва не умирал от этой муки, а Сюй Мяо продолжал измываться над ним, раз за разом превращая все в шутку. У него ведь ничего не осталось. Зачем они продолжают втоптывать его

гордость в грязь? Почему именно он? За что ему все это?..

Ему ведь тоже бывает больно. Он с самого детства до смерти боялся боли.

Так почему именно он должен терпеть?

"Шифу... Вы ведь с первого взгляда поняли, что мне никогда не отречься от мирских привязанностей. Вы знали, что я трусливее и слабее сверстников. Зачем же тогда взяли меня в ученики?

Сюй Мяо... Ты бросил меня, посчитав невыносимым, скверным и отвратительным. Зачем же теперь на каждом шагу твердишь, что любишь?

Спрашивал ли хоть кто-нибудь, что чувствую я сам? Я ведь не бездушная кукла. Не живое оружие, лишенное сердца.

Когда-то давно, записывая свои детские мысли в потрепанный дневник в приюте, я мечтал стать обычным учителем"

— Больно? Где болит? Что делать? Может, таблетку? — Сюй Мяо понятия не имел, о чем думает его опекун, и совершенно не умел утешать. Все, до чего он додумался после долгих терзаний, звучало как дежурный и бесполезный совет пить больше теплой воды. — Как облегчить эту боль? Гу Шэнь, ну ответь же мне!

Он в панике принялся легонько трясти его за плечи. Гу Шэнь, преодолевая слабость, несильно толкнул его в грудь. Только тогда Сюй Мяо замер.

— Супрессант, — едва слышно выдохнул Гу Шэнь. Боль выпила из него все силы.

— Что? — Сюй Мяо склонился ниже, ловя каждое слово.

— Нужен супрессант... — Гу Шэнь приподнял голову и встретил непривычно серьезный, встревоженный взгляд Альфы.

— Где он?

— Закончился... — Гу Шэнь сокрушенно стиснул зубы. — Я собирался зайти за новой порцией к Шифу... сразу после того, как осмотрю квартиру...

— И что теперь делать? Сбежать в круглосуточную аптеку?

— Нет... — Гу Шэнь попытался отстраниться. — Не надо. Я просто лягу спать...

— Да как ты уснешь в таком состоянии? — Сюй Мяо коснулся его лба. Кожа была горячей, точно в лихорадке.

— В книгах писали, что омегам во время течки холодно. Давай я включу кондиционер на обогрев?

— Сейчас лето, — преодолевая боль, утомленно отозвался Гу Шэнь, мысленно поражаясь глупости собеседника. — Если мне станет холодно, я просто укуруюсь одеялом.

— Ладно... Тогда, может, горячего чаю? И еще я слышал, что помогает массаж железы...

— Не смей! — Гу Шэнь испуганно перехватил руку Альфы. Его пальцы, мягкие от слабости, судорожно сжали чужое запястье.

Сюй Мяо послушно замер, хотя это слабое прикосновение не могло бы его удержать, пожелай он продолжить.

— А еще говорят... — Сюй Мяо задумчиво уставился на омегу.

— Мне ничего не нужно. Просто дай мне уснуть.

— Нет, так нельзя. Я должен помочь. Пожалуйста, позволь мне хоть что-то сделать для тебя, — взмолился Сюй Мяо. Он присел на край кровати, осторожно сжал ладонь Гу Шэня в своих руках и заглянул ему в глаза снизу вверх. — Перестань терпеть все в одиночку, Гу Шэнь. Ты омега, у тебя сейчас течка, это естественная физиология. Тебе нужна забота. Почему ты не хочешь довериться мне? Позволь мне помочь тебе. Раньше ты приглядывал за мной, теперь моя очередь заботиться о тебе.

Гу Шэнь молча смотрел на него сверху вниз, слушая эти приторные клятвы. Наверняка Сюй Мяо снова издевается. Эти слова звучали слишком напыщенно, словно реплики из дешевой драмы. Разве мог кто-то сказать такое ему настоящему?

Единственное, чего ему хотелось сейчас — это провалиться в глубокий сон без сновидений. Потерять сознание, чтобы не чувствовать изнуряющей боли. А если проснется от очередного приступа — попытаться уснуть снова.

Но сон был лишь трусливым побегом. Глубоко внутри он знал, что его измученное тело отчаянно молит о другом.

О том, о чем он никогда раньше не смел даже мечтать.

Потребности омеги в период течки просты и предсказуемы. Собственно, они нужны ему и в обычные дни.

Каждый раз, когда Гу Шэнь видел на улице, как другие омеги капризно льнут к своим альфам, выпрашивая поцелуи и объятия, он тоскливо отводил глаза.

Ему тоже безумно хотелось этого. Хотелось ласки.

— Тогда... просто обними меня, — сдавшись, тихо произнес Гу Шэнь. И торопливо добавил: — Только на секунду.

Объятие — самое безобидное и простое, о чем можно попросить. Обнять друг друга могут даже едва знакомые люди.

Сюй Мяо терпеть его не может, так что на большее рассчитывать глупо. Да и то объятие минуту назад... Альфа, скорее всего, обнял его лишь ради забавы или чтобы поиздеваться. Гу Шэнь горько усмехнулся про себя: наверняка Сюй Мяо пришлось неслабо переступить через себя, чтобы прикоснуться к нему. Ну что же, если попросить его обнять снова, это застигнет наглеца врасплох. Пусть помучается от отвращения и поскорее убирается прочь.

"Убирайся. Не смей ломать мою броню"

— А? Ну так бы сразу и сказал! Значит, когда я обнимал тебя минуту назад, я все сделал правильно? — Сюй Мяо расплылся в довольной улыбке. Он все еще оставался в состоянии частичной звериной трансформации, и его пушистый волчий хвост радостно так и ходил ходуном из стороны в сторону.

Он широко раскинул руки навстречу омеге.

— Ну же, иди сюда.

Гу Шэнь нерешительно замер, глядя на его широкую грудь. Стоит ли делать этот шаг?

— Иди-иди, другой возможности не будет, — ухмыльнулся Сюй Мяо. Он слегка подтолкнул его коленями, увлекая ближе к себе. — Давай быстрее, у меня уже руки затекли тебя ждать.

Услышав привычный насмешливый тон, Гу Шэнь горько улыбнулся собственной глупости. Какая разница, шутка это или милостыня? Он примет ее.

Все равно.

Терять ему больше нечего — от его гордости и так остались одни руины.

Так почему бы не позволить себе немного тепла?

Даже если это объятие лишь сильнее распалит бушующую в крови отраву и сделает боль невыносимой.

Плевать. На все плевать.

Мысли путались, сознание превратилось в густой туман. Прежняя холодная рассудительность и самоконтроль окончательно покинули его. В этот миг Гу Шэнь даже перестал презирать себя за слабость. Сквозь пелену, застилавшую взор, он вдруг отчетливо ощутил всю ту лавину подавленных чувств, которую годами прятал на самом дне души. И впервые ему стало искренне, до боли жаль самого себя.

Сердце бешено колотилось в груди. Гу Шэнь медленно опустился коленом на постель и порывисто обнял Сюй Мяо. Он уткнулся лицом в изгиб его шеи, жадно впитывая чужое тепло, слушая сильные, размеренные удары сердца Альфы, пока лихорадочный жар точки внутри разгорался с новой, пугающей силой.

Он больше не пытался бороться с болью. Единственное, чего он отчаянно желал — запечатлеть это объятие в своей угасающей памяти. Спрятать его поглубже в израненную душу, чтобы потом, долгими и невыносимо одинокими ночами, возвращаться к этому воспоминанию. Чтобы спастись им от безумия и пустоты.

Боже, как же больно.

И все же он не хотел отпускать его. Еще хотя бы на мгновение.

Но боль разрывала изнутри.

Почему этот мир так жесток? Зачем придумана эта пытка, заставляющая человека добровольно идти на собственную казнь?

<http://bllate.org/book/19800/2038221>